

Вывоз сырья - это не стыдно

Выбирая модель национального промышленного развития, Россия должна делать ставку на экспортные отрасли

Владимир Попов (доктор экономических наук, Высшая школа международного бизнеса Академии народного хозяйства.)

Что знает неспециалист о промышленной политике? Что правительство много говорит о ней, принимает программы и концепции, выделяет приоритетные отрасли и что, похоже, из-за отсутствия денег дело кончается только разговорами. Никакие так называемые приоритетные отрасли реально не поддерживаются - в бюджете средств все равно нет. Это и верно, и неверно одновременно. Верно, поскольку под декларируемые приоритеты денег действительно не выделяют. Неверно же потому, что между основными секторами российской экономики продолжается масштабное перераспределение ресурсов от сильных отраслей к слабым, вне зависимости от деклараций.

Многоярусная экономика

Секторов же, грубо говоря, три: первый - сырьевой (топливная промышленность, электроэнергетика, черная и цветная металлургия), второй - машиностроение (включая оборонную промышленность), третий - сельское хозяйство вместе с пищевой и легкой промышленностью. Сырьевой сектор, становой хребет российской экономики, высокоэффективен и конкурентоспособен, он ориентирован на экспорт. В нем занято всего 3 млн человек, или менее 5% всех работающих, но его доля в ВВП около 15%, в материальном производстве - около 30%, в общем объеме промышленной продукции - 50%, а в экспорте - более 70%. Производительность труда в этом секторе в пять-семь раз выше, чем в двух остальных ([таблица 1](#)), а производительность капитала примерно такая же (что крайне необычно, ибо во всем мире сырьевые отрасли наиболее капиталоемки). Машиностроение и АПК за немногими исключениями гораздо менее эффективны и конкурентоспособны и не только не экспортируют продукцию, но и вытесняются с внутрироссийского рынка иностранными поставщиками. В сельском хозяйстве до сих пор занято около 10 млн человек - не меньше, чем накануне реформ. В машиностроении же занятость сократилась до 5 млн - то есть вдвое против уровня 1990 года. Разрыв в эффективности секторов огромен - он больше, чем следует из [таблицы 1](#), так как внутрироссийские и эсэнгэшные цены на продукцию сырьевого сектора в 1996 году были заметно ниже мировых. Если бы завтра вся страна вдруг раскололась на две части, так что в одной остались бы сырьевые отрасли, а в другой - все остальные (не только машиностроение и сельское хозяйство, но и строительство, транспорт, сфера услуг и т. д.), то в первом государстве ВВП на душу населения приближался бы к западному стандарту (20 тыс. долларов), а во втором - к африканскому (2 тыс. долларов).

Таблица 1. Производительность труда и фондоотдача в основных секторах российской экономики в 1996 г.

Отрасль	Среднегодовое число занятых, тыс. чел.	Основной капитал на конец года, трлн руб.*	Валовая продукция, трлн руб.	Производительность труда	Фондоотдача
				в % к среднему уровню по экономике	
Сырьевой сектор (топливо, электроэнергия, металлы)	2910	2054	585	331	97
Машиностроение и легкая промышленность	6761	1019	267	65	90
Сельское хозяйство	9800	2364	282	47	41
Вся экономика	66000	13703	4009	100	100
*После переоценки 1 января 1996 г. Источник: Госкомстат РФ.					

Эксперт, #41 от 2.11.1998

При такой разности потенциалов труд и капитал в рыночной экономике должны перемещаться из низкоэффективных секторов в высокоэффективные. Собственно говоря, в последние годы так и было: доля сырьевого сектора в общем объеме промышленной продукции выросла с 24% в 1990 году до 51% в 1996-м, тогда как доля машиностроения снизилась с 31 до 16%, а доля легкой промышленности - с 12 до 2% (таблица 2). Доля сельского хозяйства в ВВП за тот же период упала с 12 до 7%. Отчасти это объясняется различной динамикой цен: топливо, энергия и металлы дорожали куда быстрее, чем продукция машиностроения и тем более сельхозпродукция. Причем объем производства в сырьевом секторе сокращался медленнее, чем в отраслях вторичной обработки, и не быстрее, чем в сельском хозяйстве (таблица 2). Более того, доля сырьевого сектора в инвестициях выросла с 5% в 1991 году до 46% в 1996-м, в то время как доля машиностроения упала с 10 до 5%, а доля сельского хозяйства - с 32 до 10%.

Таблица 2. Динамика объема производства по отраслям и доля отдельных отраслей в общем объеме промышленной продукции

Отрасль	Объем производства (1990 г. = 100%)					Доля отдельных отраслей в общем объеме промышленной продукции (в текущих ценах), %				Индекс цен в 1997 г. (1991 г. = 1)
	1992	1994	1995	1996	1997	1990	1992	1995	1996	
Топливная	87	69	69	68	68	8,0	19,4	17,6	19,0	10623
Электроэнергетика	96	83	80	79	77	4,2	6,8	13,4	16,7	11425
Черная металлургия	77	53	57	56	57	12,0	8,6	10,1	9,5	5097
Цветная металлургия	68	53	55	53	56	н. д.	9,1	7,0	5,9	3335
Стройматериалы	78	47	44	36	35	3,1	2,4	3,6	3,5	4271
Пищевая	76	57	52	50	50	11,7	9,4	11,3	10,7	3863
Химическая и нефтехимическая	73	44	47	43	44	7,6	8,8	8,2	7,2	4925
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная	78	44	44	36	36	5,3	4,4	4,9	3,6	2417
Машиностроение и металлообработка	77	45	41	39	41	30,8	20,4	17,7	15,8	3483
Легкая	64	26	18	14	14	12,1	7,1	2,4	1,8	1147
Вся промышленность	75	51	50	48	49	100	100	100	100	4307
Сельское хозяйство	86	73	67	64	64	--	--	--	--	1161

Источник: Госкомстат РФ.

Эксперт, #41 от 2.11.1998

Экспортная ориентация против импортозамещения

В нормальной рыночной экономике при огромном разрыве между уровнями эффективности секторов и перемещении ресурсов из слабых секторов в сильные должно было бы происходить падение производства в первых и рост во вторых. У нас же в сырьевом секторе падали не только абсолютные объемы производства, но даже инвестиции, а повышение его доли происходило только за счет изменения ценовых пропорций и более быстрого сокращения производства в неэффективных секторах. Это главное обвинение против проводившейся промышленной политики (неважно, была ли она стихийной или целенаправленной) - она не смогла обеспечить прироста производства и инвестиций ни в одном крупном секторе экономики, включая эффективные. Вместо того чтобы стимулировать перераспределение ресурсов из слабых отраслей в сильные, государство тормозило процесс, пытаясь поддерживать неконкурентоспособные отрасли за счет конкурентоспособных. Реальная промышленная политика новой России не имела ничего общего с декларируемой и

носила ярко выраженный импортозамещающий характер. Многомиллиардные субсидии в сельское хозяйство и в отрасли вторичной обработки шли за счет нещадной эксплуатации высокоэффективного сырьевого сектора. Механизм перераспределения опирался: на заниженные цены на сырье, топливо и энергию (а до 1996 года и на экспортные налоги); на прямые поставки сельскому хозяйству и льготные кредиты промышленности; на неплатежи (имеется в виду соотношение кредиторской и дебиторской задолженностей, которое наиболее высоко именно в сырьевых отраслях); на завышенный курс валюты, подрывавший экспортный потенциал даже высокоэффективных отраслей за счет скрытых субсидий потребителям в виде дешевого импорта.

Традиционные аргументы в пользу импортозамещения известны: не допустить деиндустриализации экономики и разрушения промышленного и научно-технического потенциала, превращения страны в сырьевой придаток развитых стран и т. д. Однако известны и плачевные итоги многочисленных попыток создавать вопреки рынку тяжелое машиностроение и опираться на собственные силы. Везде, от Северной Кореи до Индии и от СССР до Латинской Америки, эти попытки неизменно заканчивались созданием мертворожденных промышленных комплексов, которые могли кое-как функционировать в тепличной протекционистской среде, но рассыпались при первом столкновении с иностранной конкуренцией.

С другой стороны, не менее хорошо известен и противоположный опыт - поддержка, в том числе и протекционистская, именно сильных и потенциально конкурентоспособных отраслей, создание государством дополнительных стимулов к перемещению ресурсов в преуспевающие отрасли. В Японии, Южной Корее, Юго-Восточной Азии, а затем и в Китае, где доля экспорта в ВВП выросла с 5% в 1978 году до более 20% сейчас, эта промышленная политика принесла впечатляющие успехи.

Да, у нас за немногочисленными исключениями сильные и конкурентоспособные отрасли - сырьевые, а не отрасли вторичной обработки и высокотехнологичные (наукоемкие), о которых так беспокоятся защитники промышленного и научно-технического потенциала. Исключения - аэрокосмическая промышленность, оборонная и, возможно, энергетическое машиностроение, которые, кстати, получают из бюджета в сотни раз меньше денег, чем сельское хозяйство. Однако с точки зрения темпов и качества роста не важно, какие именно отрасли становятся локомотивом, тянущим всю экономику.

Если хотя бы один сектор национальной экономики удачно вписывается в структуру мировой и начинает быстро наращивать объемы экспорта и производства, то поддерживать высокие темпы роста уже не так сложно. Срабатывают кумулятивные механизмы поддержания роста - увеличение потребления, сдерживаемое привычками и традициями, отстает от повышения доходов, так что норма сбережения возрастает.

Индонезийский рост во многом базировался на экспорте нефти, а чилийская экономика росла в 80-90-е годы на 7% в год, увеличивая экспорт меди, фруктов и вина. Производить качественную медь (для России - газ и алюминий) не менее сложно и не менее престижно, чем хорошие компьютеры и лекарства, - стандарт чистоты алюминия для банок кока-колы выше, чем для авиапромышленности.

Опасный эксперимент

В 90-е годы мы фактически поставили второй в этом столетии (первый - индустриализация 20-30-х годов) импортозамещающий эксперимент над национальной экономикой - сначала, удерживая цену на сырье и топливо на заниженном уровне посредством экспортных налогов, а затем, с 1995 года, зафиксировав курс рубля на искусственно завышенном уровне, подрывавшем и в конце концов подорвавшим рост экспорта. Теперь, после девальвации и периода высокой инфляции, мы неизбежно снова возвращаемся к вопросу о выборе модели национального промышленного развития.

Если Россия сделает ставку на экспортные отрасли, то экономическое восстановление начнется уже на полноценной основе - вновь создаваемые и реконструируемые мощности будут отвечать мировым стандартам конкурентоспособности, а экспортный рост в сырьевых отраслях со временем вытянет за собой всю экономику. Среди нересурсных отраслей правительство, видимо, должно поддерживать помимо инфраструктурных только экспортные отрасли ВПК и аэрокосмическую промышленность (во многом это одно и то же, так как авиатехника главная статья экспорта вооружения). Среди всех наукоемких отраслей они, похоже, единственные обладают достаточным заделом, чтобы совершить масштабный прорыв на мировые рынки. Концентрация государственной поддержки на этих отраслях трудное, но необходимое решение, предполагающее, что другие сферы машиностроения, в которых все еще занято 5 млн человек, либо вообще исчезнут, либо деградируют до уровня сборочных производств.

Однако средства поддержки ограничены, так что, выбирая между аэрокосмической промышленностью, уже экспортирующей свои изделия, и автомобилестроением, электроникой и прочими слабыми отраслями, теряющими внутренний рынок в пользу иностранных поставщиков, предпочтение в рамках экспортоориентированной модели роста придется отдать именно первой. Распыляя поддержку по всем отраслям и предприятиям, мы все равно не сможем спасти машиностроение, но наверняка погубим производство авиационной и космической техники. Между тем Россия (наряду с США, Британией и Францией) все еще один из четырех главных мировых производителей авиакосмической продукции. Потерять оставшиеся конкурентные преимущества в этой области (квалифицированные кадры и передовые технологии) будет особенно обидно.

Сказанное ни в коей мере не означает, что слабым поддерживать вообще не нужно. Нужно обязательно, но только предоставляя помощь не производственным коллективам, а людям, то есть через социальные программы, помощь в профессиональной переподготовке и миграции и т. д. Кстати, и денег для такой поддержки будет больше, если делать ставку на экспортеров, так как доходы государства прямо зависят от темпов роста экономики.

И последнее. Поддержка экспортного сектора обязательно предполагает низкий курс рубля. Это универсальный инструмент стимулирования экспортоориентированного роста, который с успехом использовали Япония и ФРГ после второй мировой войны, а впоследствии - Корея, страны ЮВА, Китай. Заниженный курс валюты в сравнении с другими инструментами поддержки экспорта обладает важным преимуществом - неизбирательностью. В отличие от субсидий, кредитов, протекционистских пошлин и т. п., которые выдаются и устанавливаются чиновниками, заниженный курс перераспределяет ресурсы в пользу экспортных производств автоматически - чем больше экспорт, тем больше поддержка. Другими словами, девальвацию нельзя украсть, что в наших условиях делает ее особенно привлекательной.

Эксперт, #41 от 2.11.1998

